

Сузанне Шаттенберг

«РАЗГОВОР ГЛУХОНЕМЫХ»?

*Культура хрущевской внешней политики
и визит канцлера Аденауэра в Москву в 1955 году¹*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Известный российский дипломат, в прошлом — советник Н.С. Хрущева, Олег Гриневский рассказывает, как традиционно проходила заключительная часть приемов в советских посольствах:

Пили основательно, иногда и самогон, на Западе — водку или американский коньяк. Если при этом присутствовали «друзья», как называли руководство социалистических стран или братских коммунистических партий, то пили за каждую страну или партию по очереди, каждый раз по полному стакану, порой это был обычный стакан. До дна. Каждый следил, чтобы его сосед, упаси Господи, не пропустил очередной круг. Отваживавшегося на такое подвергали насмешкам, называли ревизионистом и уклонистом и шумно требовали осушить стакан. Когда, наконец, больше уже никто не мог пить и казалось, что действительно все закончилось, что попойка подошла к концу, Никита Хрущев неожиданно делал свирепое лицо и говорил: «Послушай, посол, ты людей вообще ценишь? Мы тут пьем с тобой, радостно пируем, а простые люди, повара, официанты хлопочут без устали, чтобы нас обслужить. Где повар? Давайте выпьем за его здоровье!»²

У нас есть два пути к пониманию сообщений такого рода: отнестись к ним, покачивая головой, имея в виду наши, западные, представления о том, как должны вести себя политики, представляющие свою страну на международной арене, и считать их еще одним доказательством того, что Хрущев — явление непостижимое. Так, британский премьер Энтони Иден написал о нем в своем дневнике: «Хрущев — это загадка. Как может этот толстый, вульгарный мужчина со свинячьими глазками, не замолкающий ни на минуту, быть главой, даже царем миллионов людей на этих необъятных просторах?»³ Но можно попытаться подойти к этому эпизоду герменевтически и поставить вопрос о его значении в советском контексте. До сих пор редко делались попытки осветить те горизонты советской жизни, на фоне которых эти ритуалы совместных возлияний имели смысл и не казались вульгарными или *faux pas*⁴.

Чтобы объяснить загадочно-импульсивное и агрессивное поведение наследника Сталина западным наблюдателям, ЦРУ задействовало двадцать психологов, зачисливших Хрущева в категорию «гипоманов»: эмоциональный, вспыльчивый, восторгающийся, кокетливый и агрессивный одновременно, трудоголик, требовавший сам от себя полной отдачи, которому, однако, тяжело давалось систематическое мышление⁵. Исследователи обычно рассматривают Хрущева исходя из западной логики и рациональности: для объяснения внутренней политики, открытия лагерей и десталинизации, начавшейся в 1956 году с секретного доклада, используются преимущественно методы, берущие начало в описании политической истории и сфокусированные поэтому на поступках и замыслах «великих

людей». Главные представители этой точки зрения — Рой и Жорес Медведевы — придерживаются мнения, что Хрущев закрыл ГУЛАГ, повинуясь «движению своей души»⁶.

Против этой точки зрения в 1998 году высказались российский историк Рудольф Пихоя и представитель билефельдской школы социальной истории Стефан Мерль. Подлинным инициатором десталинизации был, по их мнению, глава госбезопасности Лаврентий Павлович Берия, а Хрущев произнес знаменитую речь на партийном съезде в 1956 году только для того, чтобы иметь возможность проводить беззастенчивую державную политику и держать за горло своих противников⁷. Однако и эти историки используют аргументацию, принимающую в расчет прежде всего [известные нам] устремления тех или иных «великих людей»⁸.

Внешняя политика, которую проводил Хрущев, объясняется в то же время интересами безопасности и экономики: наследники Сталина свернули на путь мирного сосуществования, потому что признали, что продолжение конфронтации неизбежно привело бы к войне, а также потому, что нуждались в разоружении для высвобождения ресурсов, которые можно было бы направить на повышение уровня жизни в стране⁹. Однако при этом зигзагообразный курс, проявившийся в том, что линия на ослабление напряженности вновь и вновь нарушалась агрессивными акциями, подобными подавлению венгерского восстания в 1956 году, постройке Берлинской стены в 1961 году или кубинскому кризису 1962 года, не может быть удовлетворительно объяснен с позиций политической или экономической истории¹⁰.

Некоторое время назад Уильям Таубман противопоставил существовавшим до сих пор расхожим объяснительным моделям подход, который можно, скорее, назвать культурно-историческим. Хотя Таубман пытается проникнуть в суть намерений Хрущева, но при этом стремится поместить их в некоторый контекст и объяснить в рамках социокультурного воздействия, которое оказывали его поступки¹¹. Историк приходит к заключению, что действия Хрущева становятся понятны только с учетом его военного опыта, поскольку он — едва ли не единственный член Политбюро, кто пережил войну непосредственно на фронте. В качестве политкомиссара он координировал Киевскую, Харьковскую, Сталинградскую и Курскую боевые операции, сталкиваясь с повседневной жестокостью войны, которая нанесла ему травму и изменила его: именно в эти годы, по мнению Таубмана, Хрущев начал всерьез курить и пить¹². Кроме того, Хрущев пережил в тот период три личные катастрофы: его сын Леонид, военный летчик, был сбит в 1943 году, жена Леонида Любовь Сизых вскоре после этого арестована по обвинению в шпионаже, а их сын — внук Хрущева — отправлен на этом основании в детский дом¹³. Вследствие пережитого, полагает Таубман, Хрущев и стремился смягчить страдания народа¹⁴.

На предложенный Таубманом подход можно опереться потому, что военный опыт Хрущева имел решающее значение и для его внешней политики, цель которой он видел в том, чтобы избежать новой войны любой ценой. Поэтому мой тезис состоит в том, что внешняя политика Хрущева может быть осмыслена только культурно-исторически, то есть исследована в контексте символически интерпретируемого мира исторических субъектов.

Сегодня уже никого нельзя удивить «культурной историей дипломатии». Один из самых заслуженных и известных представителей этого подхода — уже находящийся на пенсии профессор Гарвардского университе-

та Акира Айрийе (Akira Iriye) — называет культуру наряду с «властью» и «экономикой» «третьей большой темой», в рамках которой должны быть подвергнуты исследованию «мечты, стремления и другие проявления человеческого сознания» («dreams, aspirations, and other manifestations of human consciousness»). Хотя Айрийе говорит о культуре как коммуникации и заявляет, что «культурный подход [можно определить] как перспективу, которая особое внимание уделяет коммуникации внутри наций и между ними»¹⁵, культуру он рассматривает как особую, изолированную область. Объекты исследования и сферы анализа, которые он называет на национальном уровне — идеологиями и системами ценностей, а на международном — обменом посланниками и товарами, принимая во внимание и глобальный контекст, — не охватывают дипломатические переговоры как коммуникативный акт¹⁶.

Среди немецких представителей культурной истории международной политики обращает на себя внимание прежде всего Урсула Лемкуль¹⁷. Лемкуль сосредоточивается на взаимодействии двух сил: национально-государственных традиций, влияющих на действия дипломатов, и контекста международных отношений, но не рассматривает конкретных акторов и их коммуникации¹⁸.

Здесь мы имеем дело с «аддитивной» разновидностью культурной истории, которая вводит культуру в игру только в том случае, когда отказывают, казалось бы, «рациональные» и «объективные» объяснительные факторы — такие, как «власть» и «экономика»¹⁹. Тенденция отделения «мягкого» фактора «культуры» от «твердых» факторов — экономики и власти — широко распространена. Она проявилась и в целом ряде сборников, вышедших в последние годы и посвященных теме «культура и внешняя политика». В них «ингредиенты», из которых состоит внешняя политика, описываются, как правило, в отдельных главах, причем за «культуру» отвечают в основном «общественное мнение», «менталитет», «психология» и «идеология» и т.д., а под «культурной дипломатией» подразумевается обмен в сферах изобразительного искусства, спорта или музыки²⁰.

Сомнительно, что «культуру» можно осмысленно интегрировать в какую-либо из существующих сегодня формул прежде, чем она сама ее взорвет. Здесь следует дать определение «культуре»: вслед за Клиффордом Гирцем обозначим ее как сплетенную самими людьми «паутину» значений, с помощью которой субъекты придают смысл миру и делают возможным взаимопонимание²¹. Культура, согласно Гирцу, не есть третья переменная в уравнении, наоборот — то, что структурирует восприятие культуры и политики, создает само наше знание об этом²². Задача историка, следовательно, — прочесть историческое поведение, то есть придать знакам смыслы или же увидеть горизонт исторических субъектов, следуя гадамеровской традиции²³.

Томас Мергель остроумно сформулировал вызов истории со стороны этнологии: по его мнению, историк должен рассматривать исторический субъект как «индейца с Амазонки» и спрашивать о значениях его «странных» жестов, ритуалов и одеяний; он должен непременно отринуть все, что кажется само собой разумеющимся, вновь раскрывая смыслы²⁴. Из этого и следует понимание политики как пространства действия и коммуникации и поиск специфических кодов, языковых моделей и способов общения²⁵.

То, что Мергель сумел показать на материале языковых характеристик партий, заседавших в рейхстаге Веймарской республики, тем более при-

менимо к коммуникации между представителями различных стран²⁶: одно дело — содержание, о котором они хотели между собой договориться, другое — находили ли они в принципе общий «язык», то есть могли ли установить кодекс поведения, который был бы одинаково понятен и приемлем для всех²⁷.

Как часто утверждают, дипломаты и без того располагали унифицированной системой знаков: носили одинаковую одежду, одинаково улыбались и говорили на одинаковом «оксфордском» английском, коротко говоря, они были людьми особого сорта²⁸. Этому тезису о единстве дипломатической культуры возражает британский историк Раймонд Коэн, который разделил дипломатические культуры на два типа: деловито-рассудочные, которые он называет культурами «низкого контекста» («low context»), потому что в них имеет значение в основном содержательная сторона доводов, и дипломатические культуры «высокого контекста» («high context»), в которых доминируют установки на гармонию, честь и гордость; культуры второго типа опираются на свойственные традиционным обществам типы коммуникации. В последнем случае важно не *что*, а *как* говорится²⁹.

Раймонд Смит использует этот тезис применительно к Советскому Союзу: «Американцы сосредоточены на словах, советские представители — на паузах»³⁰. Мне, однако, представляется это разделение на «форму» и «содержание» слишком уж упрощенным и статичным: во-первых, даже ориентированная на целесообразность западная дипломатия всегда имеет и символическое измерение — достаточно вспомнить о том, как Гельмут Коль вышел на встречу с Горбачевым в вязаной кофте, чтобы убедить своего партнера, что стоящий перед ним немец ни в коем случае не питает воинственных замыслов.

Протокол, как представляется, развился в западном мире, чтобы раз и навсегда взять под контроль все не относящиеся к делу вопросы и огородить сами переговоры от факторов, которые могли бы стать помехой³¹. Запад объединился на основе кода, который по умолчанию считается универсальным — только он и определяется как «дипломатия», — в то время как все, что от него отличается, клеймится как «недипломатическое».

Я предлагаю подход, высвобождающий «дипломатию» из рамок нормативов, подход, понимающий ее как любого рода коммуникацию между конкретными представителями двух различных стран³², в которую потенциально вовлечены три знаковые системы: (1) язык и культурный горизонт того или иного дипломата, (2) иностранный язык и система интерпретаций его визави и, последнее, (3) общий язык протокола³³.

Здесь следует привести доказательства тезиса о том, что Советский Союз и Запад не могли достичь взаимопонимания в том числе и потому, что не существовало третьей области — общей, регулярной знаковой системы: западная сторона подразумевала, что ее протокол является международным стандартом, и полагалась на то, что для советской стороны это точно так же само собой разумеется. Западные лидеры и дипломаты не учли того, что советские акторы находились внутри совсем иной референтной системы. Советская сторона рассматривала протокол совсем не как «естественный закон», но постоянно отвергала дипломатические нормы общения как «буржуазные» или «капиталистические».

Проиллюстрировать эти культурные и коммуникативные проблемы я бы хотела на примере поездки канцлера Аденауэра в Москву в сентябре

1955 года. 7 июня 1955 года его пригласила советская сторона, чтобы рассмотреть, как это тогда называлось, «вопрос об установлении дипломатических и торговых отношений»³⁴. Аденауэр решил принять это предложение, чтобы получить возможность обсудить освобождение последних десяти тысяч немецких военнопленных³⁵.

1. КУЛЬТУРА ХРУЩЕВСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Чтобы объяснить, почему Хрущев избрал в 1956 году столь странный стиль общения с делегацией ФРГ, следует учесть по меньшей мере четыре фактора, которые структурировали окружающий его мир:

(1) Большое воздействие не только на Хрущева, но и на весь Советский Союз в целом оказала идея, высказанная Сталиным в его знаменитой речи перед руководителями советской экономики в 1931 году: Россия — отсталая страна, которая триста лет вынуждена наверстывать упущенное, и если она не сумеет этого сделать, то будет побеждена³⁶. Девиз «отсталых бьют» стал в Советском Союзе моделью восприятия действительности, согласно которой мир делится на «прогрессивных» и «отстающих».

Хрущев был особо восприимчив к этой парадигме «отставания»³⁷. С одной стороны, он был горд своим пролетарским происхождением, которым не преминул похвастаться Аденауэру: он обучался специальности горняка под руководством немцев на шахте, принадлежавшей фирме Тиссенов³⁸. С другой стороны, Хрущев мучительно переживал то, что так и не смог реализовать свою мечту — стать инженером и примкнуть тем самым к интеллигенции, и, казалось, ничего он так не боялся, как предстать в глазах других «отсталым»³⁹.

Поэтому он пришел в ужас, когда в 1955 году в Женеве советская делегация «опозорилась», впервые показывая себя Западу:

Само прибытие нас на... аэродром выглядело не совсем выгодным для нас. Делегации США, Англии и Франции прилетели на четырехмоторных самолетах. И это выглядело внушительно. Мы же прилетели скромно, на двухмоторном Ил-14. Это, если можно так выразиться, несколько принижало солидность нашей делегации, ибо наш самолет не свидетельствовал о высоком уровне развития советской авиационной техники⁴⁰.

Хрущев не мог позволить, чтобы такого рода «просчет» повторился: когда он в 1956 году находился в поездке по Великобритании, то, хотя и путешествовал на корабле и по железной дороге, приложил усилия к тому, чтобы в Лондоне приземлился новейший — хоть и двухмоторный, но реактивный (а не винтовой, как Ил-14) — самолет Ту-104, вызвавший интерес у самой королевы⁴¹. Находясь с визитом в США в 1959 году, он был горд, что его четырехмоторный Ту-114 — на тот момент тоже новейшая модель — был настолько крупным самолетом, что в аэропорту не нашлось для него подходящего трапа⁴².

Детали, которым представители западных держав, вероятно, не придавали значения, выглядели очень показательными для того взгляда, которым смотрел на мир Хрущев. С другой стороны, он сам плохо разбирался в западных символах власти, представлявшихся ему «отсталыми». О своем визите в верхнюю палату британского парламента в 1956 году он рассказывал:

В тот день на меня очень сильное, причем комедийное, впечатление произвел председатель палаты лордов. Я уже был знаком с ним раньше. Он встретил нас в палате лордов перед заседанием в каком-то красном сюртуке, хламиде и в огромном парике, показал место, где он сидит во время заседания. Там лежал мешок с овечьей шерстью. Все это выглядело так театрально, что на меня произвело впечатление чего-то очень несерьезного. Я удивился, как это такие серьезные люди могут так кукольно обставлять свое заседание и рядиться в одежды балаганного типа. Ну, это традиции, я понимаю, я читал об этом, но когда увидел сам, то все невольно вызывало улыбку. Я не мог даже представить себе, что серьезные люди могут одеваться, вести заседание и представляться иностранной делегации в таком виде⁴³.

Если для Хрущева самолеты представлялись символической ценностью, то смысл и значение британских парламентских традиций остались для него неясными. Иначе говоря, это была символика мира, который он недвусмысленно отвергал как «отстало-буржуазный». Соответственно, он отказывался и участвовать в «буржуазных» ритуалах. Это касалось в первую очередь вопросов одежды: он не согласился надеть ни фрак с цилиндром для приема у английской королевы в 1956 году, ни «капиталистический» смокинг, в котором, согласно протоколу, следовало являться на прием в Белый дом. Советская делегация на такие мероприятия всегда приходила в повседневных костюмах, это произошло и в 1955 году на приеме в честь Конрада Аденауэра⁴⁴. Это означает, что часть дипломатического кода, который западные державы считали универсальным, Хрущев отвергал как пережиток капитализма, в то время как сам подчас вел коммуникацию на таком уровне, который его собеседники не воспринимали вовсе⁴⁵. Это связано не только с тем, что положенные по протоколу типы одежды казались ему недостойными того, чтобы представлять в них социалистическое государство рабочих. Хрущев еще и боялся выглядеть в них смешно: он, как и другие партийные вожди, бурно реагировал на сделанный в Пакистане киножурнал о визите министра внешней торговли А.И. Микояна при «полном параде»: «Там мы увидели Анастаса Ивановича в хвостатом фраке, цилиндре и долго смеялись над ним. Он отшучивался. Среди нас Анастас Иванович выделялся тем, что ему как старому “европейцу” не чужда этикетная форма, которая положена дипломатам, когда они посещают особо важных персон за границей»⁴⁶. О собственной фигуре в смокинге Хрущев замечал, что даже пингвины выглядят элегантнее⁴⁷.

(2) Способ коммуникации Хрущева может быть понятен только на фоне тех форм общения, которые практиковались в сталинском окружении и оказывали на него влияние в течение двадцати лет⁴⁸. В 1929 году, когда Хрущев учился в Промакадемии в Москве вместе с женой Сталина Надеждой Аллилуевой, вождь обратил на него внимание и поспособствовал его стремительной партийной карьере: уже в 1934 году он стал членом ЦК, а в 1939-м — полноправным членом Политбюро. Хрущев был организатором строительства московского метро, а с 1935 года — первым секретарем Московского горкома партии, сохранив этот пост до 1938 года, когда он был отправлен Сталиным на Украину, где стал одним из главных проводников политики террора, стоившей жизни 50 000 человек⁴⁹. В 1949 году Сталин затребовал его обратно в Москву, где Хрущев вновь стал первым лицом в московской партийной организации⁵⁰. Хрущев сформировался во многом под влиянием Сталина и кодекса поведения, принятого в его бли-

жайшем кругу, где общий тон был в высшей степени недипломатичным, а манеры были словно бы позаимствованы на разбойничьей пирушке. Крепкие или оскорбительные выражения были в этом кругу в порядке вещей, а чопорность или сдержанность в приеме алкоголя считались признаками слабости⁵¹. Во времена террора Сталин требовал от своих приверженцев, чтобы у них «не дрожали руки», когда они подписывают смертные приговоры или приводят их в исполнение. Во время войны он заставлял партийных вождей применять грубую силу по отношению к командирам, докладывавшим об отступлении:

Сам Сталин, когда ему докладывал о чем-либо какой-нибудь командир, часто приговаривал: «А вы ему морду набили? Морду ему набить, морду!» Одним словом, набить морду подчиненному тогда считалось героическим. И били!

Хотя Хрущев, по его собственным словам, страдал от такого обращения, он знал только этот мир, которым и был создан — под воздействием страха, угроз и ритуалов подчинения более сильным.

И эту культуру коммуникации — частью — за неимением иного, лучшего, знания, частью — сознательно, чтобы выглядеть представителем иного, совершенно не «буржуазного» мира, — Хрущев перенес на сферу международных отношений. Аденауэру он с гордостью объяснял: «Мои коллеги скажут, что я не дипломат. Я действительно не дипломат. Если наши уважаемые партнеры не готовы сейчас же вести переговоры, можно и подождать — задницы у нас не замерзнут». Слово «задницы» переводчик превратил в «лица»⁵². Грубые выражения не были случайными срывами: на посольских приемах Хрущев заманивал ничего не подозревающих дипломатов в угол, где высказывал им прямо в лицо немотивированные оскорбления — поясняя, что именно в таком духе запорожские казаки писали турецкому султану⁵³. Он с явным удовольствием, приводя конкретные цифры, сообщал жене британского премьера Энтони Идена, что у Советского Союза достаточно ракет, чтобы стереть Англию с географической карты⁵⁴.

(3) Хрущев не только перенес стиль общения своего ближнего круга вовне; его образ действий имел под собой еще и третью причину, как он сам писал о случае с госпожой Иден: «Угрожать особенно не собирались, но хотели показать, что приехали не как просители, а что мы сильная страна»⁵⁵. Этот мотив — добиться внимания и признания — проходит через всю внешнюю политику Хрущева⁵⁶. С 1930-х годов советская культура находилась под сильнейшим воздействием комплекса неполноценности по отношению к Западу, который, однако, только при Хрущеве распространился и на внешнюю политику. Факт перемещения в эту сферу такого типа мышления тоже уходил корнями в практики ближнего круга Сталина. Он постоянно насмехался над окружавшими его людьми, говоря, что без него Запад быстро с ними покончит: «Вот умру, передушат вас, как куропаток, империалистические державы»⁵⁷.

У Хрущева не было опыта общения с иностранными государствами или западными государственными деятелями. В 1945 году он смог лишь издаleка бросить взгляд на де Голля и Эйзенхауэра, когда те находились в Москве. Женевская встреча в верхах с руководителями других держав — победительниц во Второй мировой войне — в 1955 году была его первой поездкой на Запад⁵⁸. В связи с этим не только Хрущев, но и его министры нервничали, сумеют ли они заслужить уважение Запада без Сталина⁵⁹:

«Я бы сказал, что здесь мы держали в какой-то степени экзамен, можем ли мы достойно представлять свою страну, не поддаваться запугиванию и не проявлять излишних надежд, а трезво подойти к оценке сложившейся обстановки»⁶⁰.

В 1959 году Эйзенхауэр наконец сделал Хрущеву предложение посетить Соединенные Штаты — предложение, которого тот с нетерпением ожидал, — что означало, что президент примет его в Кэмп-Дэвиде. На это Хрущев с раздражением велел узнать в Вашингтоне, что это за место: он опасался, что его будут принимать в каком-то «завшивленном лагере»⁶¹. «Теперь мне кажется это смешным и даже каким-то постыдным, вы видите, как мы боялись, что для нас это может стать унижительным», — утверждал позднее Хрущев⁶².

При такой обостренной чувствительности женевские переговоры стали для советских партийных вождей возможностью проверить, уважают ли их представители «другого мира», и они с облегчением узнали, что, несмотря на провал, который случился с самолетом, «наши вероятные противники боялись нас так же, как мы их»⁶³. Действительно, Хрущев сам в своих мемуарах указывает, что целью советской внешней политики было добиться уважения со стороны Запада: «Мы тоже не маленькая страна, тоже считаем себя великой державой»⁶⁴. Хрущев цитирует в связи с этим британского премьера Гарольда Макмиллана и французского президента де Голля, заверявших его, что слава их собственных стран меркнет перед славой Советского Союза:

«Господин Хрущев, [— сказал Макмиллан, —] сейчас Англия не занимает той позиции, которую она занимала когда-то в вопросах международной политики. Раньше Британия являлась владычицей морей и во многом определяла политику Европы и даже мира, а теперь мы стали иными. Сейчас самые мощные государства в мире — это Соединенные Штаты и вы. Следовательно, именно от вас многое зависит...»

Мы любезно расспросились с Макмилланом. <...> Потом я нанес визит генералу де Голлю. Он... в ходе беседы употреблял почти те же слова и аргументы, что и Макмиллан⁶⁵.

Страх не заслужить уважения или напор, с которым этого уважения добивались, выглядевший, возможно, особенно странно на фоне «холодной войны», является тем не менее еще одним важным ключом для понимания поведения советских представителей.

(4) Последний, четвертый пункт — самый главный для понимания советской внешней политики: со времен Сталина дипломатов в СССР презирали. С тех пор, как в 1930 году Александра Коллонтай была отправлена в ссылку послом в Стокгольм, действовало правило, согласно которому дипломатами становились те, кто совершил политическую ошибку или воспринимался как политический конкурент⁶⁶. Именно поэтому Хрущев объяснил озадаченной немецкой делегации, что дипломаты ни на что не годятся, но обойтись без них тоже, к сожалению, нельзя⁶⁷.

Хрущев опирался не на профессиональные знания, но на личные связи и полагал, что сможет добиться чего-то и во внешней политике, если установит контакты с главами государств⁶⁸. Поэтому он так добивался личных встреч с Эйзенхауэром, британским премьером Иденом, а также с Аденауэром⁶⁹. Сначала он требовал от своих советников и спецслужб точно проинформировать его, что за человек его будущий визави.

Конечно, ему иногда не хватало соответствующих понятийных схем, чтобы взять в толк, как ведут себя западные политики. Он велел госбезопасности разузнать, не был ли Аденауэр, принимая во внимание его широкие скулы, татарин. КГБ ответил отрицательно, сообщив, что чертами своего лица Аденауэр обязан случившейся в 1917 году автомобильной аварии, после которой его челюстные кости неправильно срослись⁷⁰. Кроме того, Хрущеву было доложено, что Аденауэр встает рано, работает 18–20 часов в день и во всем требует порядка и дисциплины. Однако комментарий КГБ, что Аденауэр — «реванист и милитарист», привел Хрущева в бешенство, поскольку не объяснял поведения политика. Хрущев поначалу не понимал и терпеть не мог этого, как он его называл, «старого хрена»⁷¹. КГБ же отвечало Хрущеву обычными пропагандистскими формулами, и именно из-за их бессодержательности Хрущев выходил из себя. Он ощущал, что советские интерпретационные модели отказывали, не представляя ему взамен никаких новых понятийных схем.

2. КАК ЭТО ВОСПРИНИМАЛА НЕМЕЦКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

Родившийся в 1876 году Конрад Аденауэр, юрист по образованию и обер-бургомистр Кёльна с 1917 по 1933 год, сформировался совершенно в ином мире⁷². Будучи верующим католиком, он объяснил советской стороне уже в своей приветственной речи, что разделение Германии ненормально и является прегрешением против «божественного и человеческого права и самой природы»⁷³. В нем соединялись, как пишет его биограф Ханс-Петер Шварц, и отвращение к большевистскому атеизму, и возмущение установившимся в ГДР тоталитаризмом, и страх перед коммунистами, и берущие начало еще в дореволюционную эпоху антирусские настроения⁷⁴. Эта его основная установка, однако, никак не могла помочь ему. Аденауэр, равно как и Хрущев, не знал, кого увидит за столом переговоров⁷⁵.

Поэтому Аденауэр использовал встречу в верхах в Женеве (18–23 июля 1955 года), а затем и свой отпуск на швейцарском курорте Мюррен (где провел время до 20 августа) как возможность получить информацию и почитать кое-что по русской истории⁷⁶. Из прочитанного он сделал вывод, что в России мыслят большими временными категориями, а экспансионизм заложен в русской истории⁷⁷. Аденауэр полагал, что московская встреча не сможет стать знаком начала новой политики, но что на ней «волк» просто скажет миролюбивым тоном: «Вы выдвигаете те же тезисы, что и прежде, только одеваете их в вежливую и услужливую форму. С помощью дешевых жестов вы умеете влиять на общественное мнение в нужном для вас направлении. Благодаря этому вы снова допущены в приличное общество»⁷⁸.

Таким образом, положение дел определялось неосведомленностью и неуверенностью. Чтобы получить в распоряжение хотя бы одного дипломата, имеющего опыт работы с Советами, секретарем делегации был назначен Гебхардт фон Вальтер, служивший еще при немецком после в Москве времен нацистского режима — графе фон дер Шуленбурге. В качестве научного эксперта в делегацию был включен родившийся в Харькове профессор политэкономии Тюбингенского университета Вольдемар Кох⁷⁹.

Снаружи еще не было заметно никаких признаков десталинизации, лишь вызывало удивление, что остался жив смещенный Маленков. В 1955 году самым сложным, однако, был вопрос, поставленный еще в Женеве Эйзен-

хауэром: «Кто из пяти человек, сидевших напротив нас за столом переговоров, в действительности является главным: Булганин, Хрущев, Молотов, Жуков или Громыко?»⁸⁰ Эйзенхауэр пришел к выводу, что, должно быть, Хрущев. Аденауэр также считал, что главным был первый секретарь партии, но был убежден, что решения все же принимал премьер-министр, то есть Булганин⁸¹. Поэтому он, по крайней мере сначала, строго придерживался западного протокола, предусматривавшего, что отвечать следует премьер-министру, а не главе партии⁸². Выбор пал на Булганина не только потому, что Аденауэр попытался перенести западную государственную структуру на советское партийное руководство, но и потому, что немцы воспринимали Булганина благодаря его внешнему облику как одного из «своих» — только он хоть как-то удовлетворял схематическому представлению о том, как должен выглядеть политик.

Причесанные на пробор волосы, аккуратная бородка клинышком, добродушное выражение лица Булганина придавали ему в глазах Аденауэра «черты дядюшки», а Феликсу фон Экардту напоминали даже «немецкого адмирала кайзеровских времен на пенсии»⁸³. Курт Кизингер, еще один участник этой «экскурсии», разглядел в нем представителя «немецкой знати»⁸⁴.

Почти лысый Хрущев, напротив, выглядел совершенно враждебным и больше всего напоминал западногерманским политикам выходца из крестьян. «По внешнему облику — русский крестьянин, обученный диалектике коммунизма, бесконечно энергичный в своей примитивности, в своей легкой вспыльчивости и темпераменте», — так описывал его Бланкенхорн⁸⁵. Аденауэр признавал в нем не государственного деятеля, а агитатора, пропагандиста и партийца⁸⁶. Тем не менее Хрущев оказался симпатичнее других. Во всяком случае, Феликс фон Экардт взвесил и решил, что лучше бы ему иметь дело с поленьким живчиком Хрущевым, на которого просто произвести впечатление и заставить его засмеяться, чем с Булганиным, который, наверное, посмотрел бы на него «неподвижно своими холодными рыбьими глазами», а затем быстро свернул бы обсуждение любых вопросов: «Не было никакой возможности найти к нему человеческий подход»⁸⁷.

Характерно, что фон Экардт при взгляде на партийное руководство тут же обращался к собственному опыту военнопленного. Очевидно, главным, преобладающим над остальными фактором был для него старый образ врага времен Второй мировой войны и новый — уже времен «холодной» войны. К этому прибавились — из-за недостатка у членов делегации личного опыта контактов с советскими руководителями — стереотипы и предрассудки в отношении всего «азиатского»⁸⁸. Герберт фон Бланкенхорн, например, ощущал себя на банкете в Георгиевском зале как в чуждом экзотическом мире:

Иногда нельзя было отогнать от себя впечатление, что мы сидим где-то в далекой Азии в палатке великого хана. Видя жизнерадостность, с которой Хрущев предавался еде, то, что русских, принимающих нас, никак не могли отвлечь от их страсти к еде сотни любопытных глаз, наблюдавших за ними, думая об истории этого зала, на стенах которого запечатлены имена такого числа кавалеров Георгиевского ордена из великого исторического прошлого, и слыша новые и новые тосты за мир и дружбу, можно было подумать, что все это — удивительный сон⁸⁹.

Азия была матрицей, с помощью которой предполагалось понять Россию, в противном случае у немцев вообще не оставалось никакого крите-

рия, позволившего бы упорядочить их впечатления о партийных руководителях⁹⁰. Члены немецкой делегации прекрасно замечали, что внутри «триумвирата» шли бои за власть, что Булганин и Хрущев намеренно обращали на себя внимание и говорили почти одинаково, в то время как Молотов находился в изоляции⁹¹. Тем не менее члены немецкой делегации нервно реагировали на попытки Хрущева и Булганина использовать аде-науэровские «голевые пасы», чтобы дезавуировать Молотова.

В немецкой делегации были уверены, что русская культура им понятна хотя бы в одном пункте: в Москве должны много пить. Поэтому государственный секретарь Ханс Глобке захватил с собой значительный запас оливкового масла, которое он выдавал членам делегации перед приемами в качестве «антидота» спиртному, чтобы произвести на русских впечатление своей способностью к выпивке⁹².

3. ВСТРЕЧА

Уже в непосредственной близости переговоров знаки, которые посылали обе стороны, — будь то вербальные высказывания, внешний вид или форма обращения друг с другом — приводили к недоразумениям или полному непониманию из-за недостатка адекватных моделей для интерпретации. Это продолжалось и далее. Немцы, конечно, замечали, что атмосфера во время неофициальных встреч, на обедах и ужинах в Кремле, на даче Горького или в Большом театре была существенно менее напряженной и более дружественной. Однако они не понимали, почему эту расслабленность будто сдувало ветром во время следующего заседания, и десять тысяч человек вновь превращались из военнопленных в военных преступников; почему, по мнению советских руководителей, сначала должны быть установлены дипломатические отношения и лишь потом можно будет говорить о возвращении этих лиц и обо всем остальном и почему во всех этих переговорах должна участвовать также и ГДР.

Культурная сторона недопонимания заключалась в том, что немцы полагали, что ведут переговоры, в то время как в глазах советской стороны пленарные заседания служили лишь утверждению немецкой вины и советского превосходства. В то время как немцы уделяли все свое внимание относившимся напрямую к делу пленарным заседаниям, для Хрущева самая решающая часть его «дипломатии» вершилась на неофициальных встречах с глазу на глаз: в Большом театре, на представлении «Ромео и Джульетты», он спросил Аденауэра, произойдет ли обмен послами; на банкете он и Булганин сообщили, что военнопленные выйдут на свободу⁹³.

Хрущевская дипломатия была рассчитана не на предметные переговоры, но на личные контакты и символическую политику. Прием немецкой делегации в аэропорту Внуково 8 сентября со всеми военными почестями, о которых Экардт сказал: «Даже мы, кадеты, не сумели бы сделать это лучше, а это все же что-то значит»⁹⁴, а у Карло Шмида от них даже «мороз по коже пробежал»⁹⁵, роскошные апартаменты в гостинице «Советская», накрытые столы, каждый вечер ожидавшие гостей даже после приемов, факт, что Булганин подвез Аденауэра на автомобиле к входу в театр — «по дипломатическим обычаям сильная демонстрация дружбы», пожатия рук в царской ложе в Большом театре под овации стоящих зрителей — все это было не сопроводительной программой, а самой сценой, на которой играл

Хрущев⁹⁶. Расчет состоял в том, чтобы поставить немцев в положение цугцванга, то есть перед необходимостью принять быстрое решение, потому что безрезультатное прекращение переговоров неизбежно оказалось бы «грубой бесцеремонностью по отношению к принимающей стороне»⁹⁷.

На пленарных заседаниях немцы вели себя как ничего не подозревающие жертвы хрущевской «дипломатии», которые, по словам Гриневского, выглядели так, будто Первый секретарь сперва предпринял кавалерийскую атаку, чтобы использовать фактор внезапности и заставить противника раскрыть свои карты, а затем окопался в намерении вести позиционную войну и в самый последний момент, когда, казалось, все уже упущено, неожиданно предлагал компромисс⁹⁸. Это означает, что крик и провокация постоянно служили Хрущеву средствами дипломатии, которые открывали ему, в состоянии ли его противник сохранять присутствие духа.

Немецкая сторона смогла заметить, что пленарные заседания служили не сближению сторон по конкретным вопросам, но какой-то иной цели, самое позднее в тот момент, когда Аденауэр предложил образовать четыре комиссии для урегулирования вопросов, связанных с установлением дипломатических и прочих отношений. Разочарование, которым встретили эту идею его собеседники, было для него необъяснимым⁹⁹. Для бюрократической жизни ФРГ комиссии были делом само собой разумеющимся, в то время как у Хрущева, который мыслил в категориях личных связей, такие планы вызывали оторопь. Немецкая делегация привезла с собой дополнительно 140 человек, чтобы иметь возможность по каждому вопросу обращаться к экспертам, однако советское руководство, сконцентрированное на вопросах престижа, восприняло размер делегации просто как знак чести, которую ему оказывали¹⁰⁰.

Поскольку модус ведения переговоров не был понятен Аденауэру, то и иные феномены остались для него загадкой. Например, он так и не смог взять в толк, почему представители советского руководства были так невероятно обидчивы, причем реагировали не столько на высказывания, которые относились к ним лично, сколько на те, что касались советской политики в целом. Они явно считали оскорбительными отказ от немедленного установления дипломатических отношений или слова о том, что выдвинутые ими предложения могут быть приняты только при определенных условиях¹⁰¹.

Ключом к ситуации является уже упомянутый выше комплекс неполноценности: на каждое подозрение в том, что западногерманская делегация претендует на занятие «позиции сильного», Хрущев реагировал взрывами ярости — он счел оскорбительным, что Аденауэр предложил ему кредиты, — по его мнению, чтобы купить ГДР¹⁰²; тот факт, что Федеративная Республика, потребовав освобождения своих военнопленных в качестве условия установления дипломатических отношений с СССР, предъявила тем самым ультиматум, довел его до бешенства¹⁰³. Пленарные заседания были «статусным» местом споров о признании и престиже — участие в них Аденауэра, в конце концов, было немаловажным¹⁰⁴.

Поскольку, как описал ситуацию министр иностранных дел ФРГ Хайнрих фон Брентано¹⁰⁵, переговоры выглядели как «разговор с вымогателями», Аденауэр решил приспособиться к таким формам общения и оставить дипломатическую сдержанность. Он признал — частично интуитивно, частично потому, что это соответствовало свойствам его личности, — что язык западных протоколов больше ему не поможет, позволил себе вклю-

читься в знаковую систему Хрущева и начал таким же образом провоцировать, кричать и угрожать¹⁰⁶. Ему неоднократно удавалось, вспоминает Вильгельм Греве, член делегации и сотрудник Министерства иностранных дел, «привести Хрущева в замешательство»¹⁰⁷.

Уже 8 сентября 1955 года во время торжественного приема в московском аэропорту канцлер, против всех правил протокола, взял под руку Булганина и потащил его к фотографам, оттесненным сотрудниками службы безопасности, со словами: «Подойдите к фотографам, вот кто в наше время настоящие диктаторы!»¹⁰⁸ В Кремле во время официального представления главе государства, председателю Верховного Совета СССР Ворошилову, он нарочито приветливо подчеркнул, глядя на портрет Маркса, что он тоже родом с Рейна, а с внучатым племянником Энгельса, крупным капиталистом, состоит в дружеских отношениях. После этого он вытащил свою козырную карту: как бывший бургомистр Кёльна, он осведомился о том, как устроена московская канализация, лишив своих собеседников дара речи. «Аденауэр покинул Кремль, пробыв там едва ли двадцать минут, полным победителем по всем пунктам. Он заставил себя уважать», — пишет его переводчик Кайль¹⁰⁹. При следующей возможности он объяснил Булганину, что тому все же не следует сравнивать свою роль с ролью правительства ГДР: «Вы сделали кое-что для Советского Союза, а вот утверждать, что правительство так называемой ГДР поступило так же в отношении Германии, было бы по крайней мере сомнительно»¹¹⁰, — и заслужил широкую ухмылку с советской стороны.

Аденауэру удалось произвести впечатление даже своей способностью оставаться трезвым. К ужасу своего министра иностранных дел, он в первый же вечер осушал один за другим стаканы грузинского вина и требовал от Молотова, Булганина и Хрущева, чтобы они следовали его примеру¹¹¹. Помериться силами по-настоящему получилось, однако, лишь 10 сентября во время открытого обмена мнениями. По окончании длинной речи Булганина, который подробно говорил о чудовищных преступлениях немецких военных и ужасах концентрационных лагерей, Аденауэр ответил, что это, разумеется, правда, однако следует помнить и о том, что во время наступления русской армии случались такого же рода «ужасные вещи»¹¹². На беду, переводчик, профессор Браун, перевел «ужасные вещи» как «злодеяния», что привело Хрущева в такую ярость, что он подпрыгнул и, грозя Аденауэру кулаком, прокричал о немецких военнопленных: «Да они все уже в гробах лежат! Не мы виноваты, не мы переходили границы, не мы начали эту войну»¹¹³. Тогда Аденауэр тоже вскочил, протянул в сторону Хрущева сжатые в кулак обе руки и тоже закричал: «А кто же тогда заключал соглашение с Гитлером, вы или я?»¹¹⁴ Позднее Аденауэр, вспоминая об этой вспышке, говорил: «Я подумал, что хорошо бы дать себе волю и высказать вслух эти вещи; решительное выражение своей позиции ни в коем случае не повредило нашей репутации в глазах русских, даже если они придерживались диаметрально противоположного мнения»¹¹⁵.

Ханс-Петер Шварц расценил это представление критически, как «политический театр»¹¹⁶, вместе с тем этот спектакль стал смысловым ядром всех переговоров. Аденауэр воспользовался лексикой, подобной хрущевской, не понимая, однако, контекста, в котором действовал. Для него оставалось загадкой, как можно таким путем прийти хоть к каким-то результатам, в то время как Хрущев после своих или чужих взрывов ярости часто выглядел очень довольным и называл такое заседание «интересным»¹¹⁷.

После трехдневной переговорной работы измотанный Аденауэр признал свое поражение: он не видел возможности добиться какого-либо результата при таком большом различии атмосферы расслабленных неофициальных встреч и агрессивных переговоров за столом¹¹⁸. В этом вопросе он в тот же день нашел общий язык с послами западных союзников, которым пожаловался на упорство советской стороны¹¹⁹. Он отдал распоряжения об отъезде, применив при этом старый дипломатический трюк: заказал самолеты, воспользовавшись прослушиваемой телефонной линией¹²⁰. Для Хрущева это был знак, что пора выкладывать карты на стол. Вечером 12 сентября 1955 года на приеме в Кремле он и Булганин объявили озадаченному Аденауэру, что в обмен на установление дипломатических отношений они готовы отпустить всех военнопленных — однако канцлеру придется положиться на их честное слово, поскольку письменное согласие он получит не раньше, чем через неделю¹²¹. Несмотря на предостережения министра иностранных дел Хайнриха фон Брентано и государственного секретаря Вальтера Хальштейна, Аденауэр дал согласие¹²².

4. ВЫВОДЫ

Возвращение военнопленных следует рассматривать и в более широком контексте: во-первых, сам Хрущев настолько ненавидел войну, что хотел отпустить военнопленных на родину и сказал Аденауэру: «В Советском Союзе вы не найдете ни одной семьи, не потерявшей кого-нибудь в последней войне. Это чувство мне полностью понятно как отцу, лишившемуся на этой войне сына»¹²³. Во-вторых, освобождение немецких военнопленных нужно оценивать в рамках политики десталинизации: в конце концов, Советский Союз и так собирался ликвидировать лагеря, поскольку больше не считал их существование оправданным¹²⁴. В-третьих, освобождение немецких военнопленных было также жестом в сторону Эйзенхауэра, которому Хрущев желал доказать свою волю к мирному сосуществованию¹²⁵.

Хрущев в совсем иных ситуациях, которые имели для Советского Союза более важное значение, чем встреча с западногерманским канцлером, — например, на встрече в верхах в Париже в мае 1960 года, — постоянно доказывал, что он может и готов провоцировать скандалы, если ему покажется, что его недостаточно уважают, или если он почувствует себя оскорбленным¹²⁶. Поэтому было бы обоснованным полагать, что рамки ситуации, в которой были возможны подобные действия, были изначально определены не только начавшейся международной разрядкой и десталинизацией, но и антагонизмом обеих систем и связанными с ним ожиданиями. Тем не менее результат ни в коем случае не был заранее предвосхищен, а окончательное решение определялось деятельным поведением акторов. Оно зависело от восприятия ими своего визави, от того, как они толковали знаки, подаваемые партнерами по переговорам.

В этих обстоятельствах решающим фактором становилось поведение руководителя делегации. Разумеется, речь не шла об умении Аденауэра вести переговоры — эту его способность подчеркивали большинство биографов¹²⁷. Об успехе *переговоров* в значении некоего удавшегося в рациональном западном смысле процесса, при котором происходит обмен аргументами, обсуждаются цели, взвешиваются нормы и ценности, здесь не может быть и речи, поскольку многочисленные культурные разногла-

сия возникали почти во всех областях: кто руководитель переговоров, как функционирует дипломатия, какой цели служат пленарные заседания, какую роль играют неофициальные встречи.

Подход, утверждающий, что международные переговоры есть межкультурная коммуникация, в которую потенциально всегда вовлечены три знаковые системы, помогает понять, почему Аденауэр и Хрущев не смогли найти общего языка. В сравнении с отсутствием в распоряжении сторон единой знаковой системы в качестве коммуникативного инструмента содержательные или мировоззренческие отличия были в меньшей степени решающими. Аденауэр и Хрущев в значительной мере вели «разговор двух глухонемых» — выражение, с помощью которого Хрущев, говоря об Эйзенхауэре, в 1959 году описал неудавшийся диалог культур¹²⁸.

Их языки были несовместимы, так что знаки противоположной стороны интерпретировались неправильно или вообще не могли быть интерпретированы, поскольку для этого отсутствовали соответствующие структуры восприятия. Западный протокол как возможная, третья, коммуникативная сфера в качестве общего языка не срабатывал, поскольку советской стороной не признавался, ибо советская сторона не принимала его, нарушала или просто игнорировала. Кроме того, примечательно, что советские партийные руководители всегда осознавали, что протокол является западным конструктом, который они могли использовать, игнорировать или даже сорвать, но в соответствии с которым они, однако, постоянно должны были действовать¹²⁹. Для Аденауэра, Эйзенхауэра и Макмиллана, напротив, протокол был универсальной нормой, нарушения которой их удивляли, злили или даже забавляли, но абсолютную законность которой они никогда не ставили под сомнение¹³⁰.

Двойное толкование знаков было возможно и в случае с заказом самолетов — старым дипломатическим трюком, реакцию советской стороны на который, как подчеркивала немецкая сторона, было трудно предугадать. Аденауэр и его советники праздновали триумф, считая, что трюк им удался — они уже вообразили себя стороной, которая с позиций сильного оказывает давление. Но парадоксальным образом и Хрущев рассматривал себя как победителя, а своих противников как проигравших, поскольку они, в его глазах, сложили оружие и признали себя побежденными. Тем самым коммуникация в высшей степени «удачно сорвалась», поскольку каждый получил, что хотел, и каждый ощущал свое превосходство.

Аденауэр внес свой вклад в этот прорыв, избрав на московской переговорной сцене тактику игры в крик и угрозы, то есть приняв язык своего визави — при том, что этот язык он сам не вполне понимал. Аденауэр подсмотрел и симитировал жесты, мимику, риторику и высоту звучания голоса Хрущева, не сумев оценить, однако, на какой резонатор попадет его тон. Он мог посылать сигналы, не зная, что за «приемное устройство» работает на противоположной стороне. Благодаря совершенному им прорыву Аденауэр оказался для Хрущева вновь достойным партнером по переговорам, поверив честному слову Хрущева и тем самым практически выступив против своего министра иностранных дел Брентано, который угрожал отставкой в случае установления дипломатических отношений, а также против госсекретаря Хальштейна, считавшего «политическим грехопадением»¹³¹ заключение пакта с Хрущевым.

Таким образом, культурная история дипломатии нужна не только для того, чтобы объяснять крики и угрозы Хрущева в рамках их собствен-

ной логики — на фоне сталинского стиля управления или вечного комплекса неполноценности. Она помогает рассматривать такой уровень дипломатических переговоров, который до настоящего времени оставался почти неизученным, — при том, что именно на этом уровне часто и принимаются решения.

Авторизованный пер. с нем. Майи Лавринович

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В оригинале статья была опубликована в журнале «Osteuropa. Zeitschrift für Gegenwartfragen des Ostens» (2007. № 7. S. 27–46).
- 2 *Grinevskij O.* Tauwetter. Entspannung, Krisen und neue Eiszeit. Berlin, 1996. S. 27.
- 3 Цит. по: *Grinevskij O.* Tauwetter. S. 25.
- 4 См., например: *Taubman W.* Khrushchev: The Man and his Era. N.Y.; London, 2003. P. IX, 657 (эта книга вышла по-русски в переводе Н.Л. Холмогоровой в серии «ЖЗЛ»: *Тaubman У.* Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2005. — *Примеч. ред.*); *Гринеvский О.* 1001 день Никиты Сергеевича. М., 1998. С. 346; *Medvedev Roy.* Khrushchev: A Biography. Garden City; N.Y., 1983. P. 154; *Burlatsky F.* Khrushchev and the First Russian Spring: The Era of Khrushchev through the eyes of his adviser. N.Y., 1988. P. 159; *Schattenberg S.* Die Sache mit Chruschtschows Schuh // DAMALS. Das Magazin für Geschichte und Kultur. 2005. Bd. 37. № 10. S. 8–11.
- 5 *Taubman W.* Op. cit. P. XX.
- 6 *Medvedev R.* Vom XX. zum XXII. Parteitag der KPdSU: Ein kurzer historischer Überblick // Entstalinisierung. Der XX. Parteitag der KPdSU und seine Folgen. Frankfurt am Main, 1977. S. 23–49, цит. S. 32; *Medvedev R.* Khrushchev. S. 92; *Medvedev R.* Das Urteil der Geschichte. Stalin und Stalinismus: 3 Bde. Berlin, 1992; *Medvedev R., Medvedev Z.* Khrushchev: The Years in Power. N.Y.: London, 1978. См. также: *Crankshaw E.* Khrushchev: A Career. N.Y., 1966; *Breslauer G.W.* On Criticism. The Significance of the XXth Party Congress // Il XX congresso des PCUS. Milano, 1988. P. 115–130; Das Tauwetter und die Folgen. Kultur und Politik in Osteuropa nach 1956 / Hrsg. von D. Beyrau, I. Bock. Bremen, 1988.
- 7 *Пухоя Р.Г.* Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 103 и далее; *Merl S.* Berija und Chruščev: Entstalinisierung oder Systemerhalt? Zum Grunddilemma sowjetischer Politik nach Stalins Tod // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 2001. Bd. 52. № 9. S. 484–506, особ. S. 494.
- 8 См. об этом также: *Naumov V.* Zur Geschichte der Geheimrede N.S. Chruščevs auf dem XX. Parteitag der KPdSU // Forum für osteuropäische Ideen & Zeitgeschichte. 1997. Bd. 1 № 1. S. 137–177.
- 9 *Merl S.* Außenpolitik und Wettlauf der Systeme // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 5. 1945–91. Vom Ende des zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruchs der Sowjetunion / Hrsg. von S. Plaggenborg. Stuttgart, 2002. S. 273–308; *Donaldson R.H., Noguee J.L.* The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests. N.Y., 2002. P. 80; *Filtzer D.* Die Chruschtschow-Ära. Entstalinisierung und die Grenzen der Reform in der UdSSR, 1953–64. Mainz, 1995. S. 33ff.; *Arnold Th.* Sowjetrußland von Stalins Tod bis Chruschtschows Sturz (1953–1964). München, 1964. S. 76ff.
- 10 Ср.: *Bown C., Mooney P.J.* Cold war to Détente, 1945–85. Oxford, 1995; *White M.J.* The Cuban Missile Crisis. Houndmills, 1996; *Allison G.* Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. N.Y., 1972; *Adomeit H.* Die Sowjetmacht in internationalen Krisen und Konflikten. Verhaltensmuster, Handlungsprinzipien, Bestimmungsfaktoren. Baden-Baden, 1983; *Fursenko A.A.* «One hell of a gamble»: Khrushchev,

- Castro, Kennedy, and the Cuban Missile Crisis 1958–1964. London, 1997; *Harrison H.M.* Driving the Soviets Up the Wall: Soviet-East German Relations, 1953–1961. Princeton, 2003; *Magnusdottir R.* «Be Careful in America, Premier Khrushchev!»: Soviet Perceptions of Peaceful Coexistence with the United States in 1959 // *Cahiers du Monde russe*. 2006. Vol. 47. № 1/2 (Janvier–Juin). P. 109–130.
- 11 *Taubman W.* Op. cit. P. XIII.
- 12 *Ibid.* P. 150f.
- 13 Chruschtschow erinnert sich / Hrsg. von S. Talbott. Kapitel 6: Der Große Vaterländische Krieg. Hamburg, 1971. S. 175–230, цит. S. 195f.; *Гриневский О.* 1001 день Никиты Сергеевича. С. 33 и далее. *От редакции:* у Л. Хрущева и Л. Сизых были сын Анатолий и дочь Юла (так!). После ареста Сизых Анатолия отправили в детский дом, а Юлу Н.С. Хрущев и его жена забрали к себе и воспитывали как собственную дочь. Сизых была в заключении в 1943–1948 годах, после этого до 1956 года – в ссылке. В настоящее время она живет в Киеве.
- 14 *Taubman W.* Op. cit. P. 152ff.
- 15 *Iriye A.* ‘Culture’ // *The Journal of American History*. Vol. 77 (1990). P. 99–107, цит. p. 99; *Idem.* Culture and Power: International Relations and Intercultural Relations // *Diplomatic History*. 1979. Vol. 10. P. 115–128; *Idem.* Pacific Estrangement: Japanese and American Expansion, 1897–1911. Cambridge, Mass., 1972.
- 16 *Iriye A.* ‘Culture’. P. 100.
- 17 *Lehmkuhl U.* Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Soziologischem Institutionalismus // *Geschichte und Gesellschaft*. 2001. Bd. 27. S. 394–423.
- 18 *Ibid.* S. 411, 414.
- 19 См. также: *Jetschke A., Liese A.* Kultur im Aufwind. Zur Rolle von Bedeutungen, Werten und Handlungsrepertoires in den internationalen Beziehungen // *Zeitschrift für Internationale Beziehungen*. 1998. Bd. 5. S. 149–179, цит. S. 167.
- 20 Explaining the History of American Foreign relations / Ed. M.J. Hogan, T.G. Paterson. Cambridge, 1991; Internationale Geschichte. Themen, Ergebnisse, Aussichten; Culture and International History / Ed. by J. Gienow-Hecht and F. Schumacher. N.Y., 2003; Geschichte der internationalen Beziehungen. Erneuerung und Erweiterung einer historischen Disziplin / Hrsg. von E. Conze, U. Lappenküper, G. Müller. Köln, 2004; Auswärtige Repräsentationen. Deutsche Kulturdiplomatie nach 1945 / Hrsg. von J. Paulmann. Köln, 2005.
- 21 *Geertz C.* Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt/Main, 1987. S. 7–43, здесь: S. 9.
- 22 *Geertz C.* Op. cit. S. 16.
- 23 *Ibid.* S. 15; *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1975. S. 308.
- 24 *Mergel T.* Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Politik // *Geschichte und Gesellschaft*. 2002. Bd. 28. S. 574–606, 591.
- 25 *Ibid.* S. 597.
- 26 О намерении описывать дипломатию как культурную практику см. также: *Kießling F.* Der «Dialog der Taubstummen» ist vorbei. Neue Ansätze in der Geschichte der internationalen Beziehungen des 19. und 20. Jahrhunderts // *Historische Zeitschrift*. 2002. Bd. 275. S. 651–680, особ. S. 676.
- 27 *Mergel T.* Parlamentarische Kultur in der Weimarer Republik. Politische Kommunikation, symbolische Politik und Öffentlichkeit im Reichstag. Düsseldorf, 2002.
- 28 *Cohen R.* Negotiating Across Cultures: Communication Obstacles in International Diplomacy. Washington, 1991. P. 3. Эту мысль проводит также Йоханнес Пауль-

- манн: *Paulmann J.* Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Régime und Erstem Weltkrieg. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2000.
- 29 *Cohen R.* Op. cit. P. XII.
- 30 *Smith R.F.* Negotiating with the Soviets. Bloomington, 1989. P. 6 («Americans focus on the words, Soviets on the pauses».)
- 31 Ср.: *Satow E.M.* Guide to Diplomatic Practice. London, 1917; *Gaselee S.* The Language of Diplomacy. Cambridge, 1939; *Nicolson H.* Diplomacy. London, 1939.
- 32 Тезис о том, что личные впечатления политиков друг о друге имели решающее значение для переговоров, поддерживает также Михаэль Йохум: *Jochum M.* Eisenhower und Chruschtschow. Gipfeldiplomatie im Kalten Krieg, 1955–60. Paderborn, 1996. S. 16f.
- 33 См. также: *Cohen R.* Negotiating Across Cultures. P. 14, 17.
- 34 *Foschepoth J.* Adenauers Moskaureise 1955 // Aus Politik und Zeitgeschichte — 1986. Bd. 2. S. 30–46, здесь: S. 34. *От редакции:* Дипломатические отношения между СССР и ФРГ были установлены вскоре после этого визита, 13 сентября 1955 года.
- 35 *Adenauer K.* Erinnerungen 1953–55. Stuttgart, 1966. S. 492.
- 36 *Stalin I.V.* Über die Aufgaben der Wirtschaftler: Rede am 4. Feb. 1931 // Idem. Werke. Bd. 13. Berlin, 1955. С. 27–38, здесь: S. 35 (*Сталин И.В.* О задачах хозяйственников: Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.: «Ты отстал, ты слаб — значит, ты неправ, стало быть, тебя можно грабить и поработать». — *Примеч. перев.*). Топика отсталости, разумеется, не является изобретением большевиков, см. об этом: *Gershenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge, 1966. P. 5–30; *Hildermeier M.* Das Privileg der Rückständigkeit: Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 244. S. 557–603.
- 37 Чruschtschow erinnert sich. S. 32ff.; *Taubman W.* Op. cit. P. 23ff.
- 38 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 503.
- 39 *Taubman W.* Op. cit. P. 42. См. также: *Chruschtschow S.* Geburt einer Supermacht. S. 94ff.; *Burlatsky F.* Op. cit. S. 157; *Гринеvский О.* 1001 день Никиты Сергеевича. С. 32.
- 40 *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Время, люди, власть: В 4 кн. Кн. 2. М., 1999. С. 248.
- 41 Чruschtschow erinnert sich. S. 405, 409.
- 42 *Chruschtschow S.* Geburt einer Supermacht. S. 284.
- 43 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 290.
- 44 Чruschtschow erinnert sich. S. 408; *Eisenhower D.D.* Wagnis für den Frieden, 1956–1961. Düsseldorf; Wien, 1966. S. 357; *Keil R.-D.* Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. Bonn, 1997. S. 118.
- 45 См. об этом также: *Burlatsky F.* Op. cit. P. 161.
- 46 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 275.
- 47 *Гринеvский О.* 1001 день Никиты Сергеевича. С. 48.
- 48 См. также: *Burlatsky F.* Op. cit. P. 159; *Goldgeier J.M.* Leadership style in Soviet Foreign Policy. Stalin, Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev. Baltimore, 1994. P. 52.
- 49 Чruschtschow erinnert sich. S. 588; *Taubman W.* Op. cit. P. 116.
- 50 Чruschtschow erinnert sich. S. 589.
- 51 *Grinevskij O.* Tauwetter. S. 29. См. также: *Baberowski J.* Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München, 2003. S. 151, 164; *Montefiore S.S.* Stalin. Am Hof des roten Zaren. Frankfurt/Main, 2005. S. 87ff.; *Kun M.* Stalin: An Unknown Portrait. Budapest, 2003.

- 52 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 513; *Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge, Mass., 1996. P. 180.
- 53 *Grinevskij O.* Tauwetter. S. 26f.
- 54 *Taubman W.* Op. cit. P. 414; Chruschtschow erinnert sich. S. 408.
- 55 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 273.
- 56 Ср.: *Burlatsky F.* Op. cit. P. 157, 161; *Chruschtschow S.* Geburt einer Supermacht. S. 95.
- 57 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 263.
- 58 Chruschtschow erinnert sich. S. 406.
- 59 *Burlatsky F.* Op. cit. S. 160.
- 60 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 260.
- 61 *Burlatsky F.* Op. cit. P. 161; *Гринеvский О.* 1001 день Никиты Сергеевича. С. 30; *Chruschtschow S.* Geburt einer Supermacht. S. 277.
- 62 *Chruschtschow S.* Geburt einer Supermacht. S. 283.
- 63 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 264.
- 64 Chruschtschow erinnert sich. S. 507.
- 65 Chruschtschow erinnert sich. S. 508.
- 66 *Burlatsky F.* Op. cit. P. 159.
- 67 *Kiesinger K.G.* Dunkle und helle Jahre. Erinnerungen 1904–1958. Stuttgart, 1989. S. 496.
- 68 Например, он всюду брал с собой своего зятя Алексея Аджубея в качестве советника. См.: *Аджубей А.* Те 10 лет. М., 1989; см. также: *Гринеvский О.* 1001 день Никиты Сергеевича. С. 57. В.С. Семенов даже настаивает, что Хрущев хотел назначить своего зятя министром иностранных дел. См.: *Semjonow W.S.* Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin, 1995. S. 306.
- 69 *Burlatsky F.* Op. cit. P. 160f.; *Troyanovsky O.* The Making of Soviet Foreign Policy // *Nikita Khrushchev* / Ed. by W. Taubman et al. New Haven; London, 2000. P. 209–241, здесь: p. 220, 222. См. также: *Goldgeier J.M.* Leadership Style and Soviet foreign policy: Stalin, Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1994. P. 61.
- 70 *Гринеvский О.* 1001 день Никиты Сергеевича. С. 24.
- 71 Там же. С. 25, 23. *От редакции:* Хрущев обозвал Аденауэра «старым хреном», так как в 1955 году немецкому канцлеру был 81 год. Впоследствии он ушел в отставку в возрасте 87 лет (и прожил до 91) и был одним из самых пожилых руководителей государств в новейшей истории Европы.
- 72 Об Аденауэре см.: *Schwarz H.-P.* Anmerkungen zu Adenauer. München, 2004; *Idem.* Adenauer: 2 Bde. 3. Aufl. Stuttgart, 1991; *Metzler G.* Konzeptionen politischen Handelns von Adenauer bis Brandt. Politische Planung in der pluralistischen Gesellschaft. Paderborn, 2005; *Niclaß K.* Kanzlerdemokratie. Regierungsführung von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder. Paderborn, 2004; *Die Ära Adenauer 1949–1963* / Hrsg. von H.-D. Kreikamp. Darmstadt, 2003; *Sonthheimer K.* Die Adenauer-Ära. Grundlegung der Bundesrepublik. 3. Aufl. München, 2003; *Geppert D.* Die Ära Adenauer. Darmstadt, 2002; Adenauer und die deutsche Geschichte / Hrsg. von A. Doering-Manteuffel. Bonn, 2001; *Adenauer K.* Unter vier Augen. Gespräche aus den Gründerjahren 1949–1959. Berlin, 1999.
- 73 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 501.
- 74 *Schwarz H.-P.* Adenauer und Rußland // Im Dienste Deutschlands und des Rechtes: Festschrift für Wilhelm G. Grewe zum 70. Geburtstag am 16. Oktober 1981 / Hrsg. von F.J. Kroneck und T. Oppermann. Baden-Baden, 1981. S. 365–389, здесь: S. 377f.

- 75 Ср.: *Grewe W.G.* Rückblenden. Aufzeichnungen eines Augenzeugen deutscher Außenpolitik von Adenauer bis Schmidt. Frankfurt/Main, 1979. S. 233.
- 76 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 468; *Grewe W.G.* Op. cit. S. 230; *Schwarz H.-P.* Adenauer und Rußland. S. 378; *Idem.* Adenauer. Bd. 2: Der Staatsmann, 1952–67. Stuttgart, 1991. S. 201.
- 77 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 480; *Schwarz H.-P.* Adenauer und Rußland. S. 378.
- 78 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 475.
- 79 *Grewe W.G.* Op. cit. S. 233.
- 80 *Eisenhower D.D.* Die Jahre im Weißen Haus, 1953–1956. Düsseldorf; Wien, 1964. S. 566.
- 81 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 504. Ср. также: *Grewe W.G.* Op. cit. S. 239.
- 82 *Keil R.-D.* Op. cit. S. 99.
- 83 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 503; *Eckardt F. von.* Op. cit. S. 388.
- 84 *Kiesinger K.G.* Op. cit. S. 490.
- 85 *Blankenhorn H.* Op. cit. S. 229.
- 86 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 503.
- 87 *Eckardt F. von.* Op. cit. S. 389.
- 88 Ср.: *Altmann N.* Konrad Adenauer im Kalten Krieg: Wahrnehmungen und Politik 1945–56. Mannheimer Historische Forschungen. Bd. 3. Mannheim, 1993. S. 163.
- 89 *Blankenhorn H.* Op. cit. S. 231.
- 90 Михаэль Йохум как-то заметил, что во времена «холодной войны» западные союзники принимали и воспринимали только ту информацию, которая соответствовала их картине мира и подтверждала их клише в отношении противника. См.: *Jochum M.* Op. cit. S. 26.
- 91 *Grewe W.G.* Op. cit. S. 239; *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 503.
- 92 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 530; *Blankenhorn H.* Op. cit. S. 225; *Kiesinger K.-G.* Op. cit. S. 492; *Schmid C.* Erinnerungen. Bern; München, 1980. S. 570.
- 93 *Keil R.-D.* Op. cit. S. 104, 120ff.; *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 545.
- 94 *Eckardt F. von.* Op. cit. S. 386.
- 95 *Schmid C.* Op. cit. S. 566.
- 96 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 497, 529; *Keil R.-D.* Op. cit. S. 86ff.; *Eckardt F. von.* Op. cit. S. 412.
- 97 *Grewe W.G.* Op. cit. S. 249; ср. также: *Schwarz H.-P.* Adenauer. S. 216.
- 98 *Grinevskij O.* Tauwetter. S. 257; ср. также: *Kimura H.* Soviet and Japanese Negotiating Behavior: The Spring 1977 Fisheries Talks // *Orbis.* 1980. Vol. 24. P. 43–67. P. 55.
- 99 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 518; *Blankenhorn H.* Op. cit. S. 231.
- 100 *Keil R.-D.* Op. cit. S. 82; *Grewe W.G.* Op. cit. S. 234; *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 490.
- 101 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 553.
- 102 [*Хрущев H.C.*] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 73–103, здесь: с. 73; *Chruschtschow S.* Geburt einer Supermacht. S. 76; *Donaldson N., Nogee J.L.* Op. cit. P. 82.
- 103 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 539.
- 104 О потребности советской стороны выступать с позиции силы см. также: *Kimura H.* Soviet and Japanese Negotiating Behavior. P. 49, 52; *Smith R.F.* Negotiating with the Soviets. P. 18.

- 105 «Sehr verehrter Herr Bundeskanzler!»: Heinrich von Brentano im Briefwechsel mit Konrad Adenauer 1949–1964 / Hrsg. von A. Baring. Hamburg, 1974. S. 176.
- 106 См. также: *Kosthorst D.* Brentano und die deutsche Einheit. Die Deutschland- und Ostpolitik des Außenministers im Kabinett Adenauer, 1955–61. Düsseldorf, 1993. S. 64; *Altmann N.* Op. cit. S. 161.
- 107 *Grewe W.G.* Op. cit. S. 240.
- 108 *Keil R.-D.* Op. cit. S. 88.
- 109 Ibid. S. 93f.
- 110 Ibid. S. 99.
- 111 *Blankenhorn H.* Op. cit. S. 228; см. также: *Kosthorst D.* Op. cit. S. 65.
- 112 *Keil R.-D.* Op. cit. S. 95; *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 506.
- 113 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 511.
- 114 Ibid. S. 515.
- 115 *Adenauer K.* «Wir haben wirklich etwas geschaffen»: Protokolle des CDU-Bundesvorstandes 1953–57. Düsseldorf, 1990. S. 590.
- 116 *Schwarz H.-P.* Adenauer. S. 209.
- 117 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 518.
- 118 Ibid. S. 542.
- 119 *Bohlen C.E.* Witness to History, 1929–1969. Toronto, 1973. P. 387; *Macmillan H.* Erinnerungen. Frankfurt/Main, 1972. S. 148; ср. также: *Baring A.* Op. cit. S. 177; *Schwarz H.-P.* Adenauer. S. 216.
- 120 Многие из членов немецкой делегации позже приписывали себе авторство этой идеи. Ср.: *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 542; *Grewe W.G.* Op. cit. S. 236; *Eckardt F. von.* Op. cit. S. 396; *Baring A.* Op. cit. S. 177.
- 121 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 544f.; *Keil R.-D.* Op. cit. S. 120ff.
- 122 *Adenauer K.* Erinnerungen. S. 546.
- 123 Ibid. S. 541.
- 124 Ср.: *Weiner A.* The Empires Pay a Visit: Gulag Returnees, East European Rebellions, and Soviet Frontier Politics // The Journal of Modern History. 2006. Vol. 78. P. 333–376; *Taubman W.* Op. cit. P. 121f.
- 125 *Trojanovsky O.* The Making of the Soviet Foreign Policy. P. 211ff.; *Eisenhower D.D.* Jahre im Weißen Haus. P. 163, 556.
- 126 *Chruschtschow S.* Geburt einer Supermacht. S. 334; *Eisenhower D.D.* Wagnis für den Frieden. S. 457ff.; *Trojanovsky O.* The Making of the Soviet Foreign Policy. P. 226.
- 127 Ср., например: *Schwarz H.-P.* Adenauer und Rußland. S. 367.
- 128 *Eisenhower D.D.* Wagnis für den Frieden. S. 361; см. также: *Merl S.* Außenpolitik und Wettlauf der Systeme. S. 282.
- 129 На приеме в честь Аденауэра в Георгиевском зале партийные руководители впервые появились одетыми в темное, что, по словам Кайля, Хрущев прокомментировал так: «Мы нарядились так ради вас. Это тоже подражание Западу» (см.: *Keil R.-D.* Op. cit. S. 118).
- 130 Ср.: *Hughes E.J.* The Ordeal of Power: A political memoir of the Eisenhower years. N.Y., 1963. P. 290, 303.
- 131 Ср.: *Kosthorst D.* Op. cit. S. 67.